

АЗБУКА-ПОЭЗИЯ

В ОБИТЕЛИ ГРЕЗ

Японская классическая поэзия
XVII — начала XIX века
в переводах
Александра Долина

Санкт-Петербург

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-5
В 61

Составление, перевод, статья и примечания
Александра Долина

Оформление обложки Вадима Пожидаева

*Книга рекомендована к печати
Ученым советом факультета МЭиМП
НИУ Высшая школа экономики*

- © А. А. Долин, состав, перевод, статья,
примечания, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-19230-0

ПОЭЗИЯ БРЕННОГО МИРА

В эпоху сурового правления сёгунов династии Токугава после затяжных междоусобных распрей на Японские острова впервые пришел благословенный мир. Стремясь оградить чистоту национальной морали от пагубных влияний Запада, власти страны огнем и мечом искоренили христианство, изгнав испанских и португальских миссионеров, а заодно уничтожив несколько десятков тысяч японских прозелитов. На два с половиной столетия, с начала XVII по середину XIX в., Япония оказалась отрезана от внешнего мира.

Именно в этот период, известный в истории как эпоха Эдо, из сплава синтоизма, Дзэн-буддизма и неоконфуцианства рождается и достигает высочайшего развития культура больших городов, созданная стараниями купцов, ремесленников, самураев и многочисленного могущественного духовенства: драмы Тикамацу Мондзаэмона для театров Кабуки и Дзёрури, новеллы Ихара Сайкаку, приключенческие романы Бакина, поэзия *хайку* Басё, Бусона, Исса, обновленные *танка* Роана, Рёкана и Ташибана Акэми, гравюра Хокусая, Хиросигэ и Утамаро. Пышным цветом расцветают в городах ремесла. 5

В быт входят керамика и фарфор, златотканая парча, драгоценное оружие, изысканная утварь и предметы дамского туалета. Повсюду открываются художественные школы: живописи и рисунка тушью, *икэбана* и чайной церемонии, стихосложения, танца, игры на флейте-*сякухати*, на цитре-*кото* и на лютне-*сямисэне*. Их дополняют тысячи школ воинских искусств — фехтования, стрельбы из лука, борьбы, — сосредоточивших в себе мудрость вековых традиций.

В эту эпоху изначальная идея классического буддизма о бренности и иллюзорности земного мира приобретает на Японских островах новое, неожиданное звучание. Если ранее последователям учения Будды предписывались скромность, воздержание и умеренность, то в лоне эпикурейской городской культуры все эти принципы были вывернуты наизнанку. Жизнь кратка, эфемерна? Так что же! Значит, нужно стремиться заполнить наслаждением каждый миг между рождением и смертью, посвятив свой недолгий век созерцанию природы, любовным утехам, творчеству. Так возникла философия *укиё* — концепция изменчивого и обманчивого мира, таящего непреодолимые соблазны. То, что прежде почиталось в обществе пороками и излишествами, было возведено чуть ли не в ранг добродетели. Поэты, художники и актеры поспешили воздать дань культу плотских радостей.

Понятие *укиё* объединяло множество сложных, порой противоречивых представлений. Это была

6 причудливая смесь пуристских догм буддизма сект

Дзёдо, Нитирэн и Сингон с дзэнской терпимостью и вольнодумством, с языческой наивностью народных праздников и синтоистских обрядов. *Укиё* — «юдоль скорби». Старинное, привычное слово из церковных проповедей было переосмыслено в процессе становления городской культуры как «изменчивый, обманчивый, призрачный мир», как «плывущий, зыбкий мир». Можно истолковать *укиё* и так: быстролетная жизнь, полная эфемерных печалей и наслаждений, жизнь, подобная бегу облаков и току вод.

Разные грани понятия *укиё* породили такие несхожие феномены, как эротическая новелла и поэзия монашеской аскезы, цветная гравюра и художественная татуировка, утонченные суггестивные трехстишия *хайку* и массовый театр Кабуки, гигантские кварталы «свободной любви», давшие приют разношерстной богеме, и эзотерические школы живописи, *икэбаны*, боевых единоборств.

В эпоху относительной политической стабильности, отмеченную полицейским произволом и поголовной коррупцией чиновничества, благородное происхождение само по себе уже не являлось гарантией почета и преуспевания в делах. В глазах ценителей из образованных горожан, которые формировали культурный социум эпохи, интеллектуальная элита *бундзин* заслуживала ничуть не меньшего уважения, чем наследственная родовая аристократия.

Заимствованный из Древнего Китая термин *бундзин* (*кит.* *вэньжэнь* — «человек Культуры») употреблялся в эпоху Эдо для обозначения «магистра искусств», нередко совмещавшего в одном лице талан-

ты поэта, художника, каллиграфа, музыканта, а порой еще и фехтовальщика или стрелка из лука. Выходцы из разных сословий — самураи, купцы, ремесленники и люди вольных профессий — дружно пополняли ряды *бундзин* в Эдо, Киото, Осаке и многих других городах страны, в том числе в весьма отдаленных провинциях. Этому способствовало хорошо поставленное почти массовое образование, обеспечивавшее высокий уровень грамотности, особенно среди населения больших городов. Нередко в одной школе бок о бок слагали стихи или рисовали купцы, нищие и отпрыски княжеских семейств. Веяния времени сказывались не только в изменении отношений между художником и его аудиторией, но и в преобразовании самого процесса творчества, скованного на протяжении столетий нерушимыми цепями канона.

С деятельностью интеллектуалов-*бундзин* в эпоху Эдо связан огромный пласт литературы, в частности такие поэтические жанры и формы, как *хайку* (классические трехстишия), *танка* (классические пятистишия), *рэнга* («нанизанные строки», или поэтические цепочки), *кёка* («сумасбродные песни», шуточные и пародийные пятистишия), *сэнрю* (шуточные трехстишия), *канси* (поэзия на китайском языке).

ПОЭЗИЯ ХАЙКУ

Истоки поэзии *хайку* следует искать в разделах
8 «несерьезных стихов» *хайкай* классических антоло-

гий вака, начиная с «Собрания старых и новых песен Японии» («Кокинсю», X в.). В этих странных «свитках», похожих скорее на приложения к основному корпусу памятника, были представлены стихотворения в форме *танка*, не соответствующие требованиям канона «чистой» лирики, — шуточные миниатюры, пародии, каламбуры. В XIV–XV вв., с развитием жанра «нанизанных строф» *рэнга*, требовавшего участия нескольких авторов в составлении одного стихотворения, вводная часть пятистишия *хокку* из трех строк с силлабическим рисунком 5–7–5 слогов стала отделяться от заключительных двух стихов (7–7 слогов), претендуя на самостоятельное существование. Спустя еще столетие неопределенное понятие *хайкай*, означавшее нечто вроде «юмористической смеси», постепенно оформилось в независимый поэтический жанр, чья связь с *танка* и *рэнга* уже не бросалась в глаза, хотя о создании серьезной лирики в этом жанре никто еще не задумывался.

Пионером поэзии *хайкай*, кстати впервые введшим в оборот сам термин *хайку*, был Мацунага Тэйтоку (1571–1653). Он не только создал собственную школу *хайку* с детально разработанными правилами и рекомендациями, но и сумел привить обывателю вкус к новинке. Уже в тридцатые годы XVII в. Тэйтоку с удовлетворением писал: «Кажется, сегодня стар и млад, в столице и в провинции — все ищут утешения в сем искусстве. *Хайку* тоже, в сущности, разновидность японской песни *вака*, и пото-

му к ним не следует относиться с презрением... В наши нерадостные времена, когда пришло в упадок учение Будды, достоинства *хайку*, пожалуй, даже превосходят достоинства *танка*».

Сам Тэйтоку, создавший много тысяч *хайку* и написавший горы бумаги в попытках обосновать поэтику нового жанра, снискав славу первопроходца, так и не добился признания потомков ни в качестве настоящего поэта, ни в качестве ценного теоретика. К концу жизни он подытожил свои усилия в большом трактате, который содержал удручающе нудные наставления и ограничения для поэтов *хайку* по части словоупотребления. Хотя Тэйтоку и не справился с задачей превращения литературной забавы в высокое искусство, его начинания не пропали даром. Бесчисленные ученики и последователи мастера обессмертили его имя количеством, выпустив около двухсот пятидесяти коллективных антологий *хайку* школы Тэймон.

Со смертью Тэйтоку среди его многочисленных «наследников» разгорелась упорная борьба за первенство, которая привела к скорой деградации зыбких основ «серьезных» *хайку*. После нескольких лет хаоса в поэтическом мире возобладала комическая школа Данрин, детище Нисияма Соина (1605–1682). Школа эта быстро завоевала популярность среди осакского купечества благодаря своей оригинальности, относительной доступности и неистощимому остроумию. Основу успеха составляли перифразы известных тем из пьес театра Но, аллю-

зии на злободневные события в городе и пародии на общеизвестные шедевры старинной классической лирики. Так, например, Соин спародировал знаменитую *танка* Сайгё из антологии «Новая Кокинсю»:

Чем дольше люблюсь,
тем сердцу милее они,
цветущие вишни!
Но вот опадают цветы,
печалью меня одарив...

В интерпретации Соина тема принимает неожиданный оборот:

Вот уж вдоволь-то
насмотрелся на цветы —
шеи не согнуть!

Мастерство пересмешника Соин ценил превыше всего: «Искусство *хайкай* ставит неистинность прежде истинности. *Хайкай* — всего лишь пародия в сравнении с *вака*... Самое лучшее — писать то, что тебе больше нравится. Это шутка, которая рождается из фантазии». Пикантные намеки на чьи-то похождения и знаменательные события, уснащенные двусмысленными каламбурами и приправленные литературными реминисценциями, настолько импонировали вкусам образованного обывателя, что вскоре число приверженцев школы Данрин уже измерялось многими тысячами. Центрами ранней поэзии *хайку* были в основном Осака и Киото, но вскоре увлечение *хайку* охватило и Восточную столицу, Эдо, достигнув самых отдаленных провинций на юге и на севере страны. Стиль Данрин, воцарившийся

в литературном мире почти на десять лет начиная с 1675 г., хотя и не породил подлинных художественных ценностей, сыграл важную роль в подготовке вкуса читателей (и сочинителей) к восприятию эстетики *хайкай*, пусть даже в ее примитивном варианте. Кружки любителей *хайку*, местами перераставшие в школы, в недалеком будущем должны были составить аудиторию для трехстиший иного рода. Тот же Соин, носивший сан дзэнского священника, уже пытался внести в поэтику *хайку* медитативную ноту. Среди его легковесных развлекательных стихов порой встречаются вполне серьезные наблюдения. Не случайно Басё как-то заметил: «Если бы до нас не было Соина, мы бы и сейчас в *хайкай* подбিরали объедки со стола старика Тэйтоку».

В семидесятые годы ученик Соина, а впоследствии прославленный новеллист Ихара Сайкаку привлёк внимание публики своими эксцентричными экспериментами. Он сплотил вокруг себя около двухсот «неортодоксальных» поэтов *хайку*, завоевав авторитет плетением бесконечных гирлянд «нанизанных строф» *хайкай*. Сайкаку был непревзойденным мастером поэтического экспромта и постоянным чемпионом состязаний на быстроту сложения *хайку* — *якадзу*. Начал он свои достижения с того, что сочинил за десять часов тысячу строф, успев собственноручно их записать. Последний абсолютный рекорд был поставлен на турнире 1684 г. в осакском храме Сумиёси, где Сайкаку надиктовал за сутки 23 500 *хайку*. Для сравнения стоит заметить, что Басё за всю жизнь сочинил чуть более двух тысяч трехсти-

ший. Такой скоростной метод, разумеется, не оставлял места для литературных красот. Залогом успеха служило соблюдение метрических правил при оформлении любого пришедшего на ум образа — то есть способность полностью перестроиться на видение мира под углом *хайкай* и мышление в образных рамках *хайкай*. Правда, подобное версифицирование само по себе особой ценности не представляло, но оно оттачивало поэтический инструментарий и формировало критерии оценки, столь необходимые для кристаллизации высокой лирики в этом жанре.

Хотя начало восьмидесятых годов XVII в. уже ознаменовано вступлением Басё в большую литературу, было бы неправомерно приписывать ему, и только ему, все заслуги по реформации жанра *хайку*. Очевидно, проблема перевода *хайкай* в категорию высокой лирики была настолько актуальна, что к этому одновременно стремились Ямагути Содо, Ито Синтоку, Кониси Райдзан, Уэдзима Оницура и многие другие талантливые поэты, сумевшие преодолеть барьер «развлекательности». Многие из них были лично едва знакомы с Басё или вообще с ним не знакомы, как Оницура. Иные, наоборот, состояли со Старцем в тесной дружбе и даже оказывали непосредственное влияние на формирование индивидуального стиля Басё — *сёфу*, — как Синтоку. Некоторые предвосхитили открытия Басё в области эстетики *хайкай*, хотя и не сумели подняться до должного уровня обобщения. Так, Оницура выдвинул требование предельной искренности (*макото*), утверждая, что *хайку* без *макото* нежизнеспособны. Гонсуй

и Райдзан упорно настаивали на тщательности и корректности в отборе лексики, на недопустимости вульгаризмов. Так или иначе, знакомясь друг с другом по публикациям, все вместе эти авторы создавали питательную среду для произрастания принципиально нового стиха — поэзии искреннего чувства и глубокой мысли.

Однако золотой век *хайку* связан прежде всего с именами самого Мацуо Басё и поэтов его школы, которые почти на три столетия заняли господствующие позиции в японской поэзии. Имя это (точнее, псевдоним) стало производным от названия Банановой обители (Басё-ан) — хижины на окраине Эдо в районе Фукагава, где поэт поселился в 1680 г. Басё, возможно, единственный из японских поэтов, который не нуждается на Западе в специальной рекомендации. Это имя действительно широко известно в Европе и в Америке. Не является исключением и Россия, куда поэзия Басё впервые проникла полвека назад — правда, в довольно странной интерпретации. Как для самих японцев, так и для всей мировой цивилизации Басё в своем творчестве воплощает наиболее значимые отличительные особенности национальной художественной традиции: простоту и благородство духа при внешнем аскетизме, суггестивную глубину и философскую наполненность образа, дзэнское умение передать многое в немногом, великое в малом. Басё и сам отчетливо осознавал свое призвание художника, обеспечившее ему особое место в японской культуре.

Мацуо Басё

* * *

Хаги спать легли —
не поднимут головы,
не кивнут в ответ...

* * *

Так сияй же, луна!
Все мне кажется нынче ночью,
что живу я снова в столице...

* * *

Иль от стаи отстав,
друзей в облаках он оставил? —
Гуся клич прощальный...

* * *

Под сливой в цвету
даже буйвол нынче, как видно,
запеть собрался...

* * *

Ветер с Фудзи-горы
подхватчу на веер — доставлю
гостинец в Эдо!..

* * *

Заглохший очаг —
вдруг оттуда выходит с урчаньем
женушка кота...

* * *

На голом суку
примостилась под вечер ворона —
кончается осень...¹

* * *

Вешние ливни —
будто ноги у журавля
стали короче...

* * *

Снег на Фудзи-горе.
Жизнь в отшельничестве порою
навевает грезы...

* * *

Потихоньку в ночи
под луной жучок прогрызает
скорлупу каштана...

* * *

Снежное утро.
В одиночестве я глодаю
вяленую кету...

* * *

Банан посадил —
и теперь противны мне стали
листья мисканта...

* * *

*Что чувствую я в Фукагава²
зимней ночью*

Плеск весел, шум волн.
До нутра мороз пробирает —
слезы на глазах...

* * *

В мире вишни цветут —
а сакэ мое с мутью белой,
рис с примесью черной...

* * *

Этот ветер с полей —
плоть и душу мою он студит
хладом мертвых тел...

* * *

Брошенное дитя.
Каково на ветру осеннем —
слушать визг обезьян!..

* * *

Запах орхидей —
крылья бабочки он осеняет
пыльцой душистой...

* * *

«Кап-кап-кап» роса.
Если бы ею же попытаться
бренный мир отмыть!..

* * *

Изголовье из трав.
Под холодным дождем среди ночи
скулит собака...

* * *

Снежное утро —
и на вьючных лошадях
взглянуть приятно...

* * *

Вот она, весна!
Над горою безымянной
утренняя дымка...

* * *

На огороде
сидит воробей — созерцает
вишни в цветенье...

* * *

Запад или восток —
печаль повсюду одина.
Ветер осенний...

* * *

Коли выпью вина,
верно, спать и вовсе не лягу —
ночной снегопад...

* * *

Облака цветов.
Колокол — в Уэно ли,
в Асакуса³ ли?..

* * *

Рано вышла луна,
хоть кроны еще не просохли —
все в каплях от дождя...

* * *

Ясная луна —
всю ночь напролет гуляю
около пруда...

* * *

«Путешественник» —
так меня и назовут.
Первый зимний дождь...

* * *

До самой столицы
лишь полнеба открыто взору —
грозовые тучи...

* * *

Зимний денек.
Тень моя на коне леденеет
рядом со мною...

* * *

Холодна вода!
У берега до рассвета
не спится чайкам...

* * *

Ведь бредет и сейчас
кто-нибудь в Хаконэ⁴ через горы.
Снегопад поутру...

* * *

Поле под паром —
пастушьей сумки ростки
выпалывают мужчины...

* * *

Как много всего
она мне успела напомнить —
цветущая вишня!..

В 61 В обители грез : Японская классическая поэзия XVII — начала XIX века / сост., пер., ст. и примеч. А. Долина. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 464 с. — (Азбука-поэзия).

ISBN 978-5-389-19230-0

В антологию, подготовленную известным востоковедом и переводчиком японской поэзии Александром Долиным, включены классические шедевры знаменитых поэтов позднего Средневековья (XVII — начала XIX в.). Наряду с такими популярными именами, как Мацуо Басё, Ёса-но Бусон, Кобаяси Исса, Мацунага Тэйтоку, Ихара Сайкаку, Камо Мабути, Одзава Роан Рай Сангё или инок Рёкан, читатель найдет в книге немало новых авторов, чьи творения украшают золотой фонд японской и мировой литературы.

В сборнике представлена богатая палитра поэтических жанров: философские и пейзажные трехстишия *хайку*, утонченные пятистишия *вака* (*танка*), образцы лирической и дидактической поэзии на китайском *канси*, а также стихи дзэнских мастеров и наставников, в которых тонкость эстетического мироощущения сочетается с эмоциональной напряженностью непрестанного самопознания. Ценным дополнением к шедеврам классиков служат подборки юмористической поэзии (*сэнрю*, *кёка*, *хайкай-но рэнга*), а также переводы фольклорных песенок *коута*, сложенных обитательницами «веселых кварталов».

Книга воссоздает историческую панораму японской поэзии эпохи Эдо в ее удивительном жанрово-стилистическом разнообразии и знакомит читателя с крупнейшими стихотворцами периода японского культурного ренессанса, растянувшегося на весь срок самоизоляции Японии.

Издание снабжено вступительной статьей и примечаниями.

УДК 821.521

ББК 84(5Япо)-5

Литературно-художественное издание

В ОБИТЕЛИ ГРЕЗ

*Японская классическая поэзия
XVII — начала XIX века
в переводах Александра Долина*

Ответственный редактор Сергей Антонов
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Наталья Бобкова, Валерий Камендо
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 01.03.2021. Формат издания 70 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 18,7.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-PTR-27937-01-R